

Богатая на события история России знает немало примеров, когда ее по разным причинам были вынуждены покинуть многие достойные граждане. Кто-то из них со временем вернулся на Родину, кто-то остался жить за рубежом, но объединяет их то, что они, несмотря ни на что, остаются русскими людьми.

Сегодня наш разговор о четырех из таких людей, которых судьба разбросала по разным странам и с которыми автору довелось пообщаться лично.

1. ПОТОМОК ДЕКАБРИСТА

Рио-де-Жанейро — город удивительно красивый: с роскошными пляжами, где на белоснежном песке нежатся беспечные туристы, с плюсовой температурой во все времена года, экзотической растительностью и веселыми жизнерадостными «аборигенами», готовыми в любой момент прийти на помощь, даже если они не знают, как это сделать. Неудивительно, что именно здесь осели многие эмигранты из России и Советского Союза, которых судьба загнала в эту латиноамериканскую страну.

Есть среди них и потомки белых офицеров, в свое время бежавших от большевиков в Китай, а потом перебравшихся в Рио. Есть те, кто эмигрировал из России в лихие девяностые в надежде на спокойную жизнь. Немало тут и людей творческих, уставших от бесконечных потрясений на Родине. В том числе известная в прошлом балерина Елена Гайсенюк, регулярно проводящая творческие вечера для русской диаспоры, а также правнучка великого русского писателя Николая Лескова — хореограф и педагог Татьяна Лескова.

Увы, ни с той, ни с другой во время Паралимпиады, где я работал корреспондентом, увидеться мне так и не удалось по причине их отсутствия на тот момент в Бразилии. Зато я смог пообщаться с потомком известного декабриста Михаила Сергеевича Лунина — Дмитрием Луниным, перебравшимся сюда после Второй мировой войны и проживающим в пяти минутах ходьбы от знаменитого пляжа Копакабана.

БЕЛОЙ АКАЦИИ ЦВЕТЫ ЭМИГРАЦИИ

Из России будущий отец Дмитрия уехал сразу же после революции, поскольку служил морским офицером в белой армии и мог запросто «пойти в расход». Это был потомственный моряк, он очень рано лишился отца и воспитывался исключительно матерью, в жилах которой текла ирландская кровь.

Рос Николай Константинович в городе русской славы Севастополе, где его любимым местом был порт. Общась там, главным образом, с бендюжниками и босяками,

он вскоре прочно усвоил их жаргон. Этот блатной фольклор впоследствии спасет ему жизнь, ибо революционным матросам и комиссарам и в голову не могло прийти, что переодетый в обычный бушлат и говорящий на понятном им языке мужик есть «белая контра», а не свой в доску парень.

Близость к народу позволила Лунину избегать стопроцентной расправы и вместе с флотом покинуть Севастополь. Так он оказался в Константинополе, где вновь прибывших разоружили и фактически предоставили самим себе, не позволяя трудиться и не давая возможности снискать хлеб насущный. И лишь полгода спустя их переправили в Марсель, где они уже имели право работать.

К тому времени Николай Лунин был знаком со своей будущей женой Людмилой Дмитриевной, урожденной Пастель, воспитанной в интеллигентной семье, где знали латынь и греческий. Однако легкий флирт, имевший место между молодыми людьми еще в Крыму, тогда ни к чему не привел, а бурные события гражданской войны разметали их по разным странам.

Из Марселя Николай Константинович очень скоро перебрался в Париж, где эмигрантам из России было проще найти работу. Там-то однажды он и прочитал в русскоязычной газете об открытии в Берлине магазина Дмитрия Пастеля — отца его бывшей пассии.

Из России тот уехал еще во время Первой мировой, когда немцы оккупировали Украину и стали притеснять местное население.

Поняв, что будущее у России туманно, а риск погибнуть велик, Дмитрий Пастель списался с родственниками в Германии и вскоре эмигрировал туда вместе с женой, сумев прихватить с собой часть принадлежавшего ему имущества. Это позволило его семье на первых порах не бедствовать и не слишком обременять родственников, которым она и без того была многим обязана.

Будучи, однако, человеком весьма образованным, Дмитрий Николаевич сумел быстро зарекомендовать себя, и к тому моменту, как Николай Лунин увидел в марсельской газете рекламу его магазина, Дмитрий Пастель уже являлся торговым представителем фирмы по производству сельскохозяйственных машин «Ланц» и автопредприятия

«Бенц» — прообраза будущего концерна «Мерседес-Бенц».

Неожиданно открывшаяся перспектива вновь увидеть свою возлюбленную всколыхнула подзабытые было чувства в душе бывшего мичмана, и, недолго думая, он махнул в Берлин, где спустя какое-то время и женился на своей «фронтальной подруге».

А 15 января 1924 года у супругов появился на свет их первенец, которого решено было назвать в честь деда Дмитрием.

Впрочем, уже через год после этого радостного события Лунин был вынужден вернуться во Францию: в Германии тогда свирепствовала безработица, а на всех русских, как на недавних врагов, местные жители смотрели косо.

В Париже, где у Николая Константиновича было много друзей, он быстро освоил малярное ремесло и даже открыл небольшое частное предприятие. А когда дело пошло на лад, вызвал к себе жену.

ПОЛИГЛОТ ПОНЕВОЛЕ

Маленького Диму, между тем, решено было оставить у дедушки с бабушкой. По крайней мере, до той поры, пока родители окончательно не встанут на ноги. Вот почему учиться мальчик пошел в немецкую школу.

Но, как говорят, нет ничего более постоянного, чем временное. Несмотря на желание всех членов семьи быть вместе, в немецкой столице Дима задержался еще на три года. И даже частые приезды матери не могли избавить мальчика от тоски по родителям, воссоединиться с которыми он смог, лишь когда ему минуло десять лет.

Одной из немногих радостей в тот период жизни для юного Димы стало общение с бабушкой по отцовской линии, которую он называл «баба Китти».

Будучи наполовину ирландкой, она рассказывала мальчику разные занимательные истории и обучала его английскому языку, так что во французскую столицу в 1934 году он прибыл уже почти «полиглотом».

В Париже родители определили Диму в русскую школу, где он за год учебы должен был освоить французский язык.

— Но я его так до конца и не освоил и продолжал говорить и писать по-русски, все

время нарываясь по этой причине на неприязности, — смеется Дмитрий Николаевич. — Дело в том, что в берлинской школе нам преподавали русский уже с новой орфографией, в то время как в парижской все еще продолжали обучать по старой — с буквой «ять». И наш учитель русского языка по фамилии Попович вызывал отвечать меня исключительно так:

— Ну а как наш советский приятель будет писать?

Меня он до глубины души ненавидел и всячески старался это продемонстрировать, что не могло не сказаться на моих успехах, поэтому после года учебы родители перевели меня во французский лицей...

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Когда началась Вторая мировая, отец Димы все еще находился во Франции. И хотя он долгое время прожил в Германии, но немецкого гражданства не имел, а потому французов не очень интересовал.

С другой стороны, ввиду того, что он был иностранец, они и не призывали его на военную службу в отличие от тех, кто хотел получить французское гражданство и по этой причине был обязан нести воинскую повинность. Таким образом, Николай Константинович оказался гордым потомкам галлов абсолютно не нужен.

Что же касается его сына Дмитрия, то в шестнадцать лет тот, поругавшись с родителями, взял палатку, сел на велосипед и махнул на нем к деду с бабкой в Берлин.

— В немецкой столице, — вспоминает Дмитрий Николаевич, — я окончил гимназию и начал вести жизнь обычного штатского человека, благо у моих родственников было удостоверение белоэмигрантов, так что нацисты нас не трогали. Они вообще не считали нас русскими, и с политической точки зрения мы им были совершенно неинтересны. Это позволило моей семье благополучно пережить войну, а мне еще и получить в Вене диплом о высшем химическом образовании.

Когда же в сорок пятом в Германию вошли англичане, то они издали приказ, согласно которому все немцы были обязаны ходить на уборку концлагеря. Хотели направить туда и меня, но я заявил их начальству, что не пойду, потому что, во-первых, по на-

циональности русский, а во-вторых, никакого отношения к зверствам фашистов не имел.

— О, да вы наш союзник! — обрадовались они. — А откуда английский знаете?

— Моя бабушка обучила меня ему.

— В таком случае мы вас мобилизуем в качестве переводчика, а то у нас не хватает людей, знающих немецкий язык.

Вот так я надел английскую форму, в которой и проходил вплоть до 1949 года, когда оказался в Бразилии.

Все это время я служил переводчиком и носил на кителе звездочку лейтенанта, хотя и не являлся им в полной мере. Другими словами, имел звание, но не чин.

ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

Решение покинуть Европу и перебраться в Бразилию созрело у Дмитрия Николаевича после того, как туда переехали его родители. В то время это было райское место, где о преступности слыхом не слыхивали, зато для всех находилась работа.

И поскольку по образованию Лунин был химиком, то ему удалось быстро устроиться в фармацевтическую фирму «Шеринг», из которой впоследствии он перешел в «Мурабразил».

Способностей русского эмигранта хватило даже на то, чтобы со временем стать вице-президентом крупной компании «Гоффман и Рош».

— В другой стране, например, в Германии или Франции, я вряд ли бы добился такого успеха, — уверен Дмитрий Николаевич. — Там для эмигрантов установлены жесткие рамки при продвижении по служебной лестнице. А вот для бразильцев все равно, кто ты и из какой страны. Причем не только на службе, но и в быту.

Бывало, зайдешь в кафе выпить кашасы (бразильский самогон. — В.М.), так они с тобой сразу запанибрата. И вообще увидеть бразильцев в плохом настроении очень трудно. Они всегда веселы и доброжелательны, какой бы трудной их жизнь ни была.

И хотя мне удалось достичь достаточно высокого положения в обществе, я никогда не чувствовал с их стороны зависти или неприязни из-за того, что мне везет лишь потому, что я иностранец.

Что касается его соотечественников в Бразилии, то первое время своего пребывания в этой стране Дмитрий Николаевич общался с ними довольно часто, чему во многом способствовало открытие в Рио «Русского клуба», где русские эмигранты проводили свободное время и обменивались свежими новостями.

Клуб этот, находившийся в самом центре Рио, держал господин по фамилии Чистосердов, который был женат на черной, как гуталин, бразильянке. Сам он ее, впрочем, называл не супругой, а кухаркой — бывают такие кухарки «на всякий случай».

Потом дом, где был клуб, снесли, а на его месте выстроили современное здание, места в котором для эмигрантов из России не нашлось.

Впоследствии, правда, русские переселенцы, перебравшиеся в Бразилию из Китая, попытались восстановить работу клуба, но дело быстро заглохло — никому уже не хотелось ехать в центр города с его окраин. Да и нужда в продававшемся в магазине неподалеку спирте, из которого наши люди делали водку и которого до поры до времени в Рио не было, отпала.

Сам Дмитрий Николаевич спиртным никогда не увлекался, но на всякий случай держал в своей квартире двадцатилитровую бутылку с «огненной жидкостью».

НА РОДИНЕ ПРЕДКОВ

Свою историческую родину Лунин посетил всего два раза. Впервые это произошло еще в советское время, когда он приехал в СССР в составе туристической делегации. Страны он тогда, впрочем, фактически не увидел и не почувствовал: власти зорко следили за тем, чтобы пребывание бывших соотечественников не выходило за рамки официальной программы. Вот почему на все просьбы Дмитрия Николаевича свести его с кем-либо из представителей старых русских фамилий приставленная к ним переводчица отвечала категорическим отказом, мотивируя его тем, что им строжайше запрещено это делать.

Вторично Россию Дмитрий Николаевич посетит уже в перестроечное время в соста-

Дмитрий Николаевич Лунин

ве делегации Лермонтовского общества, образованного в Бразилии сразу после начала демократических преобразований в нашей стране.

Общество это в то время проводило для русских эмигрантов в Рио множество различных мероприятий, позволявших ощутить тесную связь с исторической Родиной.

Вот и в Москве приехавших из далекой страны соотечественников ожидала большая насыщенная программа, включавшая в себя участие в конференциях и симпозиумах, а также встречи с интересовавшими их людьми.

Одним из таких людей оказался московский журналист Михаил Кожухов, в семье которого Дмитрий Николаевич пожил еще какое-то время после завершения официальных мероприятий, так что на этот раз он смог составить себе более-менее полное представление о жизни в России.

— К сожалению, — вздыхает Лунин, — в настоящее время работа этого общества практически заглохла, и сегодня мы с моими соотечественниками отмечаем в Бразилии лишь День Победы. А вот в конце девяностых общественная жизнь у нас была ключом, за что мы были очень признательны тогдашнему российскому консулу, фамилии которого я, увы, уже не помню...

С консулом этим Лунин познакомился при весьма любопытных обстоятельствах.

Однажды тамошний владетель нескольких телевизионных каналов, который хотел продавать бразильские фильмы русскому телевидению, пригласил Дмитрия Николаевича на уик-энд на свою загородную ферму, куда был приглашен и российский консул.

Лунин опасался, что высокопоставленный дипломат не станет с ним разговаривать, когда узнает, что тот — эмигрант. Но ничего подобного — встреча прошла в дружеской, если не сказать домашней обстановке. А за накрытым столом Дмитрий Николаевич даже сидел рядом с женой российского консула, чем он до сих пор очень гордится.

— Между прочим, — улыбается Лунин, — по его слову я сразу понял, что он не коренной москвич — многочисленные чиновники, перебравшиеся в столицу из провинции, похоже, сильно разбавили русский язык...

Увы, сегодня всю информацию о России Дмитрий Николаевич черпает только в своем компьютере, поскольку русского канала в его телевизоре нет. Но потребность в общении с родной культурой и у него, и у других выходцев из России огромна.

— Лично мне очень не хватает русского языка, — признается праправнук декабриста. — Хорошо, что обе мои дочери от первого брака — Людмила и Вера — довольно сносно говорят на нем, но вот между собой они уже общаются только на португальском. И вот чтобы они набрались русского духа, я их постоянно вожу к староверам, тем более что обе они православные...

К сожалению, первой жены Лунина Екатерины уже нет в живых, и сейчас он живет во втором браке с бразильяночкой по имени

2. ЛЮСЬКА

С этой девушкой я познакомился, когда учился в Воронежском госуниверситете. Люська была веселой бесшабашной девицей, вокруг которой всегда все кипело и бурлило.

Одно время я даже пытался с ней флиртовать, и она вроде была не против, но потом все как-то само собой устаканилось: я женился, а она вышла замуж, и на какое-то время мы потеряли друг друга из виду.

А когда через несколько лет снова встретились, оказалось, что пока мы не виделись,

Тереза, почему-то не очень жалующей людьми из России. Тем не менее, со своими дочерьями и внуками, живущими в районе Чижуха, Дмитрий Николаевич общается регулярно. Как, впрочем, и с посетителями православного храма Святой Зинаиды, оказавшимися волею судеб вдали от Родины.

Каждую субботу и воскресенье они приходят сюда, чтобы послушать проповедь отца Сергия, поделиться последними новостями, порадоваться успехам друг друга или поплакаться в жилетку, благо поводов для этого в криминализованном Рио достаточно. И именно сюда Дмитрий Николаевич недавно отдал свою богатейшую библиотеку, справедливо полагая, что русская культура в Бразилии должна иметь свое продолжение.

Своей жизнью в Бразилии потомок русского декабриста в целом доволен, хотя страна эта достаточно дорогая и прожить здесь только на пенсию было бы совсем не просто. Помогают накопления, сделанные за годы работы, оплата медицинской страховки, которую производит фирма «Гоффман и Рош», и небольшое наследство, доставшееся ему после смерти тети в Германии.

Мы сидим в просторной квартире Лунина неподалеку от знаменитого пляжа Копакабана, пьем чай и рассматриваем вещи, которые напоминают ее хозяину о России: невесть каким образом сохранившийся самовар, старинные миниатюры и выцветшие фотографии из прежней жизни.

И хотя на своей исторической Родине Дмитрий Николаевич был всего ничего, он хорошо знает ее историю и культуру и считает себя истинно русским человеком.

Люська успела сгонять вместе с мужем в Афганистан, где тот работал переводчиком и где она, по ее выражению, «спала на гранатах и в обнимку с АК-47», будучи готовой в любой момент отразить нападение душманов.

Это было «веселое» время, когда днем советские преподаватели обучали афганцев русскому языку и вождению автомобилей, а по ночам сидели где-нибудь в центре собственного коттеджа и ждали, не начнут ли рядом свистеть пули и рваться снаряды, что-

бы вовремя выскочить из-под обстрела или не оглохнуть от канонады.

Сама Люська даже днем носила в кармане гранату, намереваясь в случае нападения лучше взорвать себя, чем остаться «без ушей или каких-нибудь других частей тела». А такая возможность не исключалась.

Неудивительно, что, когда наши люди собирались выйти за продуктами в город, а случилось это, как правило, раз в неделю, а то и в месяц, их непременно сопровождали «товарищи в штатском». Сиречь в традиционных одеждах здешних племен, позволявших им худо-бедно сливаться с народными массами, которым сильно не нравилась советская военная форма.

Те же военные охраняли и территорию местного техникума — филиала Московского автодорожного института, на окраинной территории которого работали и проживали советские граждане.

Другое дело, что необходимость присутствия там военных осознали далеко не сразу. И пока солдат на территории учебного заведения не было, наши люди пережили несколько неприятных моментов.

— Однажды, — вспоминает Люська, — во время какого-то мусульманского праздника нас, русских, среди которых были и дети, окружила плотная толпа угрюмых афганцев. Они согнали нас в одну кучу, кричали: «Аллах акбар» — и не позволяли никому уйти, что не предвещало нам ничего хорошего.

Слава Богу, что кто-то сумел добраться до телефона и позвонить в штаб сороковой армии, так что наши танкисты прибыли на место чуть раньше, чем мулла отдал приказ резать нас.

После этого случая многие преподаватели отправили своих детей в Союз, а я еще долго вздрагивала, проходя мимо этого места...

Дело, впрочем, этим не ограничилось, поскольку, приехав в Кабул в качестве «чемодана» — так называли в Афгане жен и мужей, сопровождавших своих супругов-контрактников, Люська со временем была вынуждена заняться там и преподаванием русского языка.

Местному руководству это было крайне выгодно, поскольку при дефиците кадров позволяло платить Люське по внутрен-

нему контракту гораздо меньше, чем получали ее товарки, набранные в Союзе, и к тому же давало возможность посылать ее обучать «вечерников» — «удовольствие», от которого обычные преподаватели-контрактники были избавлены. И потому, поворачиваясь к бородатым студентам спиной, чтобы написать что-либо на доске, Люська совсем не была уверена, что в следующий момент не получит пулю между лопаток.

Сейчас она с горькой иронией вспоминает эпизод, когда после того противостояния с толпой сын ее знакомой преподавательницы спросил у своей матери:

— Мам, а ты помнишь праздник, на котором афганцы кричали: «Слава Советскому Союзу!»?

ВЕРНЫМ КУРСОМ

В 1989 году, поняв всю бесперспективность войны в Афганистане, советское руководство вывело наши войска из этой страны. А вместе с ними была «выведена» и Люська с мужем, с которым она, впрочем, вскорости разошлась.

А затем наступил черед «реформ», во время которых ее семье в составе самой Люськи, ее тети и дочери оказалось нечего есть. Тогда, чтобы выжить, им пришлось заложить, а потом и перезаложить несколько раз в ломбарде золотые швейцарские часы с цепочкой и перстенок с небольшим бриллиантом, которые достались Люське в наследство от бабушки с дедушкой.

И неизвестно, сколько бы еще они продержались, регулярно перекрывая один долг другим, если бы не голландская фирма «Филипс», решившая выкупить Воронежский завод электровакуумных приборов «ВЭЛТ».

Туда, на вновь создаваемое производство, и была направлена Люська, дабы обучать «филиппинцев» великому и могучему русскому языку.

Вот только производство у «Филипса» не заладилось, а может, оно и было куплено лишь для того, чтобы на европейском рынке ловко и дешево устранить конкурента (ведь совсем недавно «ВЭЛТ» был крупнейшим в Европе заводом по изготовлению

Преподаватели ВГУ в гостях у Людмилы Мезенцевой-Рихтерс (крайняя слева)

электронно-лучевых трубок на первоклассном японском оборудовании). Так или иначе через несколько лет руководство «Филипса», накопив многомиллионные долги перед областным и федеральным бюджетом, бросило только что купленное предприятие вместе с почти готовым коттеджным поселком и сторговало его воронежской администрации за... один рубль. Вот такая коммерция.

Было бы, однако, неверным сказать, что визит голландцев на родину Кольцова и Никитина остался совсем уж безрезультатным для Люськи, потому что именно во время него познакомилась она со своим будущим мужем — главным менеджером компании «Филипс» Иоганном Рихтерсом (сокращенно Йоном. — В.М.). Увы, зарегистрировать свой брак в Воронеже влюбленные не смогли, поскольку во Дворце бракосочетаний у Йона потребовали справку от психиатра, без которого их с Люськой отказывались сочетать.

— Да кто ж мне ее даст, когда я на русской женюсь? — искренне недоумевал тот, узнав о подобном требовании, и к психиатру не пошел. Так что поженились Люська и Иоганн только три года спустя — уже в Голландии.

После продажи воронежского завода Иоганн Рихтерс перебрался в Москву, где какое-то время работал при Главке, а проживал в квартире праправнучки Максима Горького и Лаврентия Берия. Ну и Люська, конечно, при нем.

А потом главного менеджера «Филипса» срочно отозвали в Голландию. И пока он спешно закрывал необходимые документы, его гражданская жена не менее спешно пыталась оформить документы на выезд своего любимого коккер-спаниеля.

Дело это оказалось непростым, поскольку в то время никто толком не знал, какие документы нужны на собаку-эмигранта и какие у нее должны быть прививки, что заставило Люську мотаться по всей Москве в поисках нужных справок и специалистов.

В условиях хронического дефицита времени молодым ничего другого не оставалось, как доверить сбор и упаковку вещей водителю Йона — хорошему парню, прикрепленному к нему фирмой.

И потому большой неожиданностью для Люськи оказалось, когда в Шереметьево-2, пропустив Йона с собакой в зону вылета, ее задержали бдительные таможенники.

Как выяснилось, они обнаружили в ее багаже мешочек с теми самыми золотыми часами, перстнем и серебряными ложками, разломанными ее бывшим супругом на блесны, которые спасли жизнь ей и ее близким в начале девяностых и о которых она даже не подозревала. Потому что любимая тетьа при отъезде Люськи в столицу положила мешочек в чемодан, даже не сообщив ей об этом.

Люська тогда просто закинула непонятный мешок в дальний угол квартиры, не заинтересовавшись его содержимым, а исполнительный водитель Йона при сборах в Голландию загрузил его вместе с другими вещами в багаж.

В результате двенадцать часов без малого стражи порядка изымали обнаруженные «драгоценности», составляли протоколы и грозили Люське уголовным преследованием. Тем не менее, за границу они ее все же выпустили, посадив на какой-то транзитный рейс к вящей радости Йона, который все это время не знал, что и подумать.

Несколько лет после этого Люська жила в постоянном страхе, тем более что нанятый ее мужем адвокат решил подзаработать на этом деле и все время клянчил у пары деньги, стращая женщину семилетним сроком отсидки.

Даже чтобы попасть в Воронеж на похороны любимой тети, Люське пришлось взять фамилию мужа и лететь не через Москву, а через Киев. А в родном городе ее уже ждали повестки в суд и угроза доставить ее туда приводом.

И только письмо Генеральному прокурору России, где Люська описала свои злоключения и объяснила причины появления в ее багаже «контрабанды», позволило устранить это недоразумение. Через какое-то время после отправки письма в Генпрокуратуру ей оттуда в Голландию пришел официальный ответ, из которого значило, что в силу отсутствия состава преступления все обвинения против нее сняты и теперь она может получить изъятые вещи обратно.

Чтобы добиться этого, Люське, правда, пришлось неделю побегать по кабинетам Управления таможни и даже представиться там голландской журналисткой, но своего она добилась, хотя и не в полном объеме — разломанные на блесны ложки и золотые, уже неработающие часы ей вернули. А вот перстенок с бриллиантом, как ни старались, найти не смогли — бывает...

ОТ СУМЫ И ОТ ТЮРЬМЫ...

Но за решетку Люська все-таки угодила. Правда, не на семь лет, а на два с половиной часа. И не в российскую кутузку, а в шведскую.

Произошло это сразу после того, как она и Йон 31 января поженились и решили отправиться в свадебное путешествие в Санкт-Петербург.

Ехать решили через Швецию на машине, прихватив с собой сына Йона от первого брака.

Шенгенской зоны тогда еще не существовало, и путешественникам нужны были визы для каждой страны, но супруг Люськи уверил ее, что проблем не будет, и новобрачные тронулись в путь.

Марш Мендельсона, впрочем, длился недолго, потому что уже при подходе паро-

ма к шведскому порту пограничники проверили Люськин паспорт, и, не найдя в нем транзитной визы, отправили ее по прибытии в гавань в камеру.

Йону тогда потребовалось два с лишним часа, чтобы вызволить жену из кутузки и упросить полицейских депортировать их в Германию, благо немецкие визы у горе-туристов были.

И в то время, как сын Иоганна продолжил путь на машине в Питер, он и Люська были под конвоем препровождены на паром, направлявшийся в германский порт Травемюнде.

— Видел бы ты лица пассажиров парома, когда полицейские меня на него сажали. Они, наверное, думали, что я террористка, — шмыгает носом несостоявшаяся нелегалка, заново переживая тот давний инцидент. — Я тогда чуть со стыда не сгорела и была злая, как собака...

После перенесенного позорища Люська чуть было не развелась со своим благоверным, однако время, проведенное в Петербурге, куда новобрачные в конце концов прибыли, внесло успокоение в ее поврежденную заключением душу, и она решила оставить пока все как есть.

А затем Иоганна и вовсе отправили строить новый завод в Чехию, где Люська познала все прелести светской жизни и показала Европе «кузькину мать».

На многочисленных приемах и презентациях с участием арт-бомонда и ведущих политиков и бизнесменов, включая министра промышленности Чехии, она приводила в восторг публику своим цветущим видом и своими нарядами, многие из которых были сделаны собственными руками. А в свободное от приемов время устраивала вернисажи и фотовыставки, о которых с восхищением писала местная пресса. По сути, Люська стала народным дипломатом.

Затем супруг слегка помотал ее по свету, завезя сначала в Бразилию, а потом и в Иран.

Там гостеприимная Люська стала настоящей спасительницей для многих советских гражданок, работающих в совместных фирмах, пуская их помываться в свою роскошную тегеранскую квартиру — процедура, которая для них была непозволительной роскошью.

А когда пришелши в власти Ахмадинежад попер из страны большинство иностранцев, Иоганн, а вместе с ним и Люська, осели на его родине в Голландии, в небольшом местечке Борн, что неподалеку от границы с Германией.

Все то время, что муж таскал ее за собой, Люська не работала, а занималась главным образом тремя вещами — тщательно следила за собой, вызывая своим внешним видом восхищение у представителей других национальностей, совершенствовалась в художественной фотографии и дизайне и готовила мужу борщи, на которых поднаторела еще в Советском Союзе.

Эта хозяйственная жилка пригодится ей и в Голландии, где ее основной задачей станет забота о доме, купленном в ипотеку, а также уход за мужем-пенсционером и пятью охотничьими собаками, приобретенными для «отдохновения души», поскольку охотиться с ними было негде и не на кого.

Быть может, другую на ее месте и устроила бы жизнь образцовой домохозяйки на фоне тихой голландской природы, тем более что местные власти платили за это ей триста евро в месяц, но деятельная натура Люськи жаждала выхода. А потому, отправив супруга петь в местный хор ветеранов, она вступила сразу в три собачьих клуба и повела решительную борьбу за чистоту окружающей среды.

ДАЕШЬ ПОРЯДОК!

К удивлению россиянки, европейцы оказались не такими законопослушными и чистоплотными, как принято считать. И приезжая за машинами со всей Европы на крупнейший автомобильный рынок, находящийся неподалеку от Люськиного дома, они не стеснялись засорять отходами человеческой жизнедеятельности окружающую среду.

И в один прекрасный момент терпение Люськи лопнуло. Призвав на помощь весь свой художественный талант, а также иностранные словари, она нарисовала большую свинью и стала развешивать ее изображение везде, где только возможно, сопроводив рисунок просьбой на латышском, польском, чешском и прочих языках не гадить там, где не принято.

А когда это не помогло, принялась бом-

бардировать муниципалитет петициями с требованием навести, наконец, порядок в автомобильной «клоаке».

Поначалу там не обращали на них никакого внимания: дескать, чего еще ждать от этой русской, но они не учли того, что в свое время Люська давала отпор даже афганским душманам, так что справиться с еврочинивниками для нее было делом плевным. И те сдались — заставили-таки посетителей авторынка ходить по нужде не в кусты, а в туалеты.

Было бы, однако, неправильно думать, что нашу соотечественницу волнуют экологические проблемы только одной Голландии, поскольку, наезжая временами в Воронеж, она не дает покоя и здешним чиновникам и коммерсантам.

В один из таких приездов настырная россиянка потребовала от руководителей крупной финансовой организации убрать нависающий над входом карниз, который в любой момент мог рухнуть на головы посетителей. Карниз убрали. После этого она вплотную занялась своим двором, захламленным до предела его возможностей.

Сначала Люська потребовала убрать мусор у управляющей компании и вышестоящих организаций. А когда поняла, что толку от них не добиться, обратилась с письмом к Президенту России, после чего мусор исчез, как по мановению волшебной палочки.

Экологическая деятельность Люськи приняла такой размах, что жители Борна были готовы даже выдвинуть ее в местный парламент. Но поскольку за время жизни в Голландии Люська так и не удосужилась приобрести гражданство этой страны, хотя имела на это полное право, вопрос о депутатстве отпал сам собой.

— Да я и не стремлюсь его получить, — говорит Люська без сожаления. — Мне достаточно вида на жительство, который я здесь имею. Хотя, если бы я проработала в Голландии даже несколько дней, то сейчас получала бы пенсию под тысячу евро...

Надо отдать Люське должное — она никогда не была жадной до денег и не заморачивалась над тем, сколько рублей или евро у нее на данный момент в наличии. Зато она всегда привечала званых и незваных гостей, выкладывая на стол все, чем был богат ее холодильник.

Вот и ресторатор знакомому россиянину, который тот открыл неподалеку от Борна, она помогла оформить, не взяв с соотечественника ни единого евроцента.

НА ДВА ФРОНТА

Беда, как всегда, пришла неожиданно-негаданно — серьезно заболел ее муж Иоганн. И не просто заболел, а ему потребовалась сложная операция, сразу потрясшая семейный бюджет. И теперь Люська, никогда долго не сидевшая на одном месте, была вынуждена большую часть своего времени проводить у постели больного.

Вдобавок ко всему выяснилось, что Иоганн основательно запустил все дела, и его супруге пришлось срочно вникать в тонкости банковского делопроизводства, дабы их дом не был описан и продан, а они сами не оказались на улице.

И началась борьба на два фронта. С одной стороны, надо было бросать все имеющиеся ресурсы на погашение долга по ипотеке, а с другой — предстояла не менее тяжелая битва за мужа. Тем более что, как выяснилось, голландская медицина оказалась далека от совершенства.

— Ты даже не представляешь, — жаловалась она мне, — каких трудов стоит здесь получить даже элементарную медицинскую помощь. Тут ведь нет платной медицины, так что даже при серьезном заболевании ты должен сначала обратиться к домашнему, или, как говорят в России, семейному доктору. А уже тот будет решать, достоин ты дальнейшего лечения или нет.

При этом вызов врача осуществляется в автоматическом режиме по телефону, так что можно часами ждать, пока подойдет твоя очередь. А потом тебе еще и порекомендуют в качестве лечения «пить больше воды». Одна моя соседка по улице, у которой были проблемы со слухом, вообще оглохла, пока дождалась приема у специалиста.

А чему удивляться, если знать, как здесь, например, учат на медсестер.

Первый год студентам рассказывают, какой тряпочкой надо вытирать руки, а какой пол. Весь второй — обучают, как мерить давление, а третий — посвящают изучению процедуры внутривенных инъекций.

Недаром же тут так популярен медицин-

ский туризм, когда голландцы едут лечиться в Венгрию, Польшу и Чехию, где медицина развита гораздо лучше.

Но поскольку у нас с Иоганном средств на это нет, то мы вынуждены лечиться по месту жительства или онлайн. Меня, например, очень выручают лекарства, которые рекламируют по немецкому телевидению и в интернете. А вот зубы лечить я поеду в Россию.

Беда еще в том, что собаки мои постарели и, похоже, у них начался Альцгеймер, так что с ними тоже хлопот хватает.

Вообще, у меня создается впечатление, что Господь в свое время просто забыл про меня, а сейчас вдруг вспомнил и вывалил все написанные мне на роду проблемы, так что теперь я просто расплачиваюсь за свою прежнюю беззаботную жизнь.

Вот и сейчас мы не знаем, понадобится Иоганну еще одна операция или нет, тем более что здешние врачи ничего определенного по этому поводу сказать не могут. Это значит, что в ближайшее время я при всем желании не смогу приехать в Воронеж — надо копить деньги на всякий случай...

ЗНАЙ НАШИХ!

Впрочем, Люська не была бы сама собой, если бы пустила дело на самотек и не «построила» бы тамошних эскулапов, которые при одном ее появлении теперь разбегаются по углам, как тараканы. Они прекрасно знают, что та не оставит их в покое, пока не добьется всего, что ей нужно.

Это, однако, приносит Люське главным образом моральное удовлетворение и не может решить все ее здравоохранительные и финансовые проблемы.

Помочь Иоганну в трудный момент могли бы его дети от прежнего брака, но они ограничиваются лишь тем, что по выходным интересуются по телефону здоровьем отца и желают ему скорейшего выздоровления.

— Я уже давно поняла, что своим детям мы нужны лишь до тех пор, пока они могут от нас что-то взять, — грустно констатирует Люська, у которой в России осталась взрослая дочь, и по большому счету трудно не согласиться — капитализм не терпит сентиментальности даже в отношениях близких людей. А потому моя бывшая со-

курснистка может сегодня рассчитывать лишь на себя.

Но не только болезнь супруга и нехватка денег беспокоят сегодня Люську. Немало проблем для нее и других обитателей ее «деревни» создают и мигранты, которых в количестве трехсот единиц подкинул двадцатитысячному Борну Евросоюзу.

— Представляешь, — возмущается Люська. — Три сотни бугаев в возрасте от двадцати до сорока пяти лет без жен и детей ни черта годами не делают, а рядовые голландцы должны их содержать и обслуживать. Причем убирать за ними дерьмо вменено в обязанность тем, кто получает пособие по безработице. Слава Богу, что я его не получаю.

И самое поганое заключается в том, что в своем центре для перемещенных лиц они могут сидеть до десяти лет и больше, пока чиновники решат, давать им статус беженца или нет.

Мало того, что они там живут на всем готовом, так еще и получают по семь евро в день на карманные расходы. А рядовые голландцы должны выбиваться из сил, чтобы оплачивать их пребывание в стране, да еще и кормить чиновников, которые занимаются их вопросами и только перекаладывают бумажки с места на место. А куда им торопиться — мигранты ждут, а деньги в карман идут.

В результате от пенсии моего мужа, которая, в общем-то, не маленькая, после уплаты всех отчислений остаются по сути дела гроши.

Моя знакомая из Абхазии семь лет просидела в таком центре, пока шло рассмотрение ее дела. А когда ей отказали в статусе беженки и предложили покинуть страну, она просто исчезла из поля зрения местных властей и два года скрывалась, незнамо где.

Мигранты ведь тоже не дураки, и после того, как их выпрут из одного государства, просто перебираются в соседнее, где снова подают прошение о предоставлении им статуса беженца или вида на жительство.

Я знаю людей, которые по двенадцать лет так просидели, пока им не выдали нужное разрешение.

И ведь что удивительно, условия проживания в лагере у них ужасные. К примеру, моя знакомая проживала там с мужем в однокомнатной «хрущевке», где за перего-

родкой ютились семья из Марокко с четырьмя детьми. И все равно всех их это устраивало.

А как их могло не устроить, если недозволенных там усмиряют при помощи электрошокера...

Говорят, правда, что в последнее время кормить мигрантов стали похуже, но зато им прибавили карманных денег. По крайней мере, я постоянно вижу, как они мешками тащат продукты из супермаркета, значит, есть на что их купить.

Я вообще считаю, что давно пора пересмотреть всю систему пребывания мигрантов не только в Голландии, но и в других странах Евросоюза. В всяком случае, можно было бы на период, пока их вопрос решается, устраивать беженцев на какую-нибудь временную работу. Например, убирать мусор или, предварительно обучив, направлять в те же самые дома престарелых. А то ведь сейчас этим в основном занимаются люди с высшим образованием, а то и с кандидатскими степенями из Украины, Беларуси и других стран СНГ.

Не знаю, как кто, а лично я лучше бы дома осталась и считала копейки, чем ехать куда-то г...но убирать только ради того, чтобы там остаться.

И мне смешно слушать, когда кто-то говорит, что на Западе все люди как сыр в масле катаются.

Нет, может, кому-то там и везет, но практически все, кого я знаю, как щи лаптем хлебали на родине, так и здесь им лапшу хлеблют. Вот только дома у них хоть какой-то был статус, а здесь они никто, и звать их никак. Одна моя подружка чуть ли не доктором наук в Алма-Ате была. А потом вместе с мужем уехала в США, где лет пятнадцать в доме для престарелых «утки» выносила. Зато теперь она там дослужилась до диетсестры — сделала, так сказать, карьеру...

Пожалуй, я только одного человека знаю, который в Борне устроился по специальности, — женщину, работающую врачом. Но она настоящий специалист, поскольку у нее советское образование, и она знает, что после антибиотиков больному надо назначать пробиотики, а ведь здешние коновалы об этом понятия не имеют. Вот почему к ней всегда очередь на прием стоит...

В отличие от многих ее соотечественников, жизнь Люськи в Голландии с некоторыми натяжками можно назвать удавшейся.

Но вот чего ей действительно не хватает, так это того интеллектуального и духовного общения, которое у нее было в избытке в Союзе и которого она не находит в большой русскоязычной диаспоре Борна. И потому, когда бывшие соплеменники начинают допекать ее сплетнями и досужими пересудами, Люська переводит разговор на тему: «Как хорошо было жить в Советском Союзе», после чего те тут же от нее отстают.

Не очень любит она общаться и с самими голландцами, которых считает людьми исключительно скучными и жадными. А вот с немцами, с которыми можно и поболтать, и посмеяться, Люська встречается достаточно часто. В том числе и в соседней Германии, куда она часто ездит за покупками и постричься.

— Очень люблю немецкий хлеб, — признается она. — А после того, как меня несколько раз обкорнали в Борне, я зареклась ходить в голландские парикмахерские и предпочитаю стричься в немецких...

Увы, ездить в Германию, до которой всего сорок минут ходу, ей в последнее время стало сложно, поскольку Иоганн водить машину не может, а Люська так и не обзавелась в Нидерландах водительскими правами.

Пришлось договариваться со знакомым мигрантом из СССР, который согласился возить ее за пятнадцать евро в час.

Однажды такой выезд едва не закончился для российской гражданки скандалом.

В тот раз пламенная патриотка Люська, считающая американцев причиной всех бед и напастей, выйдя из супермаркета, обнаружила на парковке внедорожник, из окна которого торчал звездно-полосатый флаг.

Ее и раньше бесила эта черта американцев вести себя в любой стране, как на собственном ранчо. А тут флаг был такой огромный и вызывающий, что Люська почувствовала себя глубоко оскорбленной.

И тогда, оглянувшись и убедившись, что никого поблизости нет, она вытащила его из окна и швырнула под колеса автомобиля — туда, где, по ее разумению, и было его настоящее место.

Трудно даже себе представить, что могло бы произойти, если бы акт сей был кем-то замечен. Ясно одно — без скандала дело не обошлось бы. Но вот такая она, Люська — отчаянная и бескомпромиссная, изменить которую не смогли даже годы.

Но и она изрядно струхнула, когда в канун Рождества, праздновать которое ее с Иоганном пригласили в немецкий Аахен, в Доме напротив прогремел оглушительный взрыв, заставивший жителей окрестных домов вздрогнуть. Сейчас, когда терроризм распространился по всему миру, даже в некогда спокойной Голландии никто не может чувствовать себя в безопасности.

Беспокойство Люськи и ее мужа усилилось, когда прибывшие на место взрыва полицейские вывели из дома в наручниках двух мужчин и женщину, о которых ей было известно только то, что ездили они на машине с бельгийскими номерами и держали во дворе двух огромных злющих собак.

По счастью, как вскоре выяснилось, те оказались не террористами, а лишь незадачливыми бизнесменами, закупившими партию просроченной пиротехники, которая и стала взрываться в не предназначенный для этого час.

— Но тогда мы еще не знали сути происходящего и предпочли на всякий случай остаться дома, — сожалеет Люська об испорченном празднике. — Зато после этого случая наша «деревня» прогремела на всю Европу, так как телевизионщики примчались на место взрыва даже раньше полиции...

А В ОСТАЛЬНОМ, ПРЕКРАСНАЯ МАРКИЗА...

Но, похоже, даже голландские средства массовой информации не всеильны. По крайней мере, после того как на главном телеканале прошла информация, что «вылетевший из Китая коронавирус был создан на американские деньги», больше о нем телевизионщики не вспоминали — судя по всему, им основательно прищемили язык.

Между тем, ситуация с пандемией в Нидерландах складывается не лучшим образом. Как и во многих других странах, здесь откладываются плановые операции и освобождают места в больницах для заболевших коронавирусом.

В результате стали умирать люди с хроническими заболеваниями — сердечники, диабетики, больные онкологией — их попросту перестали лечить...

— Моему мужу, — говорит Люська, — еще три месяца назад должны были сделать МРТ, но до сих пор не сделали — только звонят из больницы и сообщают, что в связи с коронавирусом там сейчас никаких плановых обследований не проводят.

Ну ладно, мой еще может с МРТ подождать, но ведь есть люди, которым надо менять препараты каждые три месяца, а они не меняются.

Я уже не говорю о том, что попасть к специалисту и до коронавируса было проблемой, а теперь это и вовсе стало невозможным — приходится общаться только с домашним врачом. А что это такое, в России скоро узнают...

Я уже не говорю о том, что в связи с коронавирусом многие голландцы остались без работы.

Честно скажу, я не очень люблю Макрона, но то, что он ввел для французов мораторий на коммунальные платежи, а также снизил или отменил многие налоги, не может не вызвать уважения.

А вообще нашим политикам, похоже, на всех наплевать — главное, что желуди на дубе есть. А то, что корни у него гнилые, им по барабану.

Иногда думаешь: «Жизнь прошла, ну и хрен с ней — все равно больше ничего интересного в ней не будет».

3. В ОАЗИСЕ ЕВРОПЫ

Семь лет назад полковник запаса российских ВВС Владимир Турищев, ставший к тому времени пенсионером, по совету врачей решил вместе с женой Алиной переехать на постоянное жительство в Венгрию. После перенесенного инфаркта и при наличии других заболеваний климат этой страны подошел ему как нельзя лучше.

«СКОРАЯ» ЗА ПЯТЬ МИНУТ

Немаловажную роль сыграло и то обстоятельство, что, как выяснил бывший летчик, кардиология в этой стране считается одной из лучших в мире, да к тому же и его супруга была врачом-кардиологом.

Мне тут одна подруга недавно звонит из Воронежа и сообщает, что не все у них в городе так уж и плохо — вот недавно крематорий открыли. И в самом деле, чем не повод для радости!

А вообще жизнь прекрасна. Вот весна наступила, все вокруг цветет и колосится.

Сейчас вот сижу и шью дизайнерскую медицинскую маску. У нас показали по телевизору одного товарища, организовавшего в Нью-Йорке выставку от кутюр с моделями в дизайнерских «намордниках». А я посмотрела и решила, что смогу сделать не хуже. Даже более интересные.

Я вообще-то уже много чего тут нашла и нацепила. И платки, и кофточки, и поделки разные, в том числе и с собачьей символикой. Так что, когда вся эта свистопляска с коронавирусом уляжется, организовываю выставку. Все, что смогу, продам, а деньги перечислю в собачий клуб — собакам ведь тоже помощь нужна. Может, даже больше, чем людям...

— О-о, — внезапно всполошилась она. — Кажется, Иоганн пришел. Пойду с ним от вируса профилактикой заниматься. Как, как? По-русски, разумеется, водочкой...

И, сказав это, Люська засмеялась тем озорным смехом, который я знал еще в годы своей и ее юности. Было ясно, что свалившиеся невзгоды не смогли истребить в ней того жизнелюбия и того чувства юмора, с которым она всегда бежала по жизни. А значит, все у нее будет в порядке...

Однако действительность превзошла все ожидания «переселенцев». Медицинское обслуживание в Венгрии оказалось выше всяких похвал, что и неудивительно, учитывая, что «на доктора» там учатся не меньше двенадцати лет, а при дефиците рабочих мест редко какой врач имеет больше полставки.

— Даже моя супруга, — говорит Владимир, — была потрясена уровнем медобслуживания в этой стране. Мы живем, можно сказать, в большой деревне, которая растянулась на двадцать километров в длину, но машина скорой помощи приезжает на вызов в течение пяти минут.

Я уже не говорю о лекарствах, за под-

делку которых в Венгрии можно легко схлопотать тюремный срок. При этом не надо стоять в очередях, чтобы получить требуемые рецепты. Достаточно просто позвонить своему врачу по телефону и потом получить их у него в конверте.

И, конечно, особое отношение там к инвалидам. К примеру, за ортопедическую обувь, изготовленную в Германии и стоящую семьдесят тысяч, я заплатил всего пятнадцать.

Разумеется, обо всех этих тонкостях венгерского здравоохранения мы узнали не сразу, тем более что на первых порах у нас были сложности в общении с местным населением. Венгерский язык едва ли не самый сложный из всех существующих, и порой даже сами венгры могут совершенно поразному перевести один и тот же текст. Неудивительно, что мы так до конца и не смогли освоить его, хотя и научились объясняться с тамошним населением.

СИРЕНЬ ВМЕСТО ЗАБОРА

Но если с медицинским обслуживанием и с языком россияне в конце концов освоились, то вот с домом, доставшимся им в «наследство» от венгерского полицейского, им пришлось основательно повозиться.

Мало того что потребовалось осушить от грунтовых вод обширный подвал, так еще и бывший хозяин дома вынес из него все, что только было возможно. Вплоть до гвоздей, в результате чего в стенах образовалось множество дыр, которые пришлось заделывать несколько месяцев.

Больших трудов и двух сломанных сверл стоило Турищеву убрать и барную стойку, вцементированную в пол так, словно бывший хозяин собирался пережить за ней длительную осаду. Еще долго после того, как стойка была демонтирована, у экс-пилота болели руки, но дело того стоило. И сегодня дом площадью в сто тридцать квадратных метров с прилегающим участком в восемнадцать соток является не столько крепостью, сколько хорошо обихоженой усадьбой с плодовыми деревьями, парником, вольтером для перепелов и кустами сирени, которые образуют естественную границу между участком и внешней средой.

Да, как это ни покажется странным, но заборов как таковых в Венгрии практически

нет, как почти нет в ней ни взятки, ни воровства, ни преступности.

И дело не столько в том, что по количеству видеокамер Венгрия занимает одно из ведущих мест в Европе, сколько потому, что в стране неукоснительно соблюдается принцип неотвратимости наказания за любой, пусть даже случайковый, проступок.

— Будет случай, когда магазин закрыли только из-за того, что кассирша не выбила чек за проданную пачку сигарет, и вот уже пять лет его хозяева не могут открыться вновь, — рассказывает мой собеседник. — И потому, когда я слышу, что очередной российский актер или политик, благодаря своей известности, избежал штрафа при нарушении им ПДД, я испытываю не умиление, а горечь оттого, что закон в нашей стране писан не для всех.

ЛОВИСЬ РЫБКА БОЛЬШАЯ...

Что касается Венгрии, то там законы исполняются неукоснительно, будь ты хоть глава страны, хоть обычный ее гражданин.

Бензин здесь не разбавляют, отчего он всегда отличного качества, а при проверке водителей на алкоголь полиция в кустах не прячется и тестирует всех без разбора, сурово наказывая нарушителей вне зависимости от званий и должностей. Но, пожалуй, лучшей иллюстрацией к тому, что в стране торжествует закон, является положение с ловлей рыбы.

Дело в том, что в государстве ведется жесткий учет имеющихся биоресурсов, поэтому каждый рыбак должен иметь при себе документ, в котором он отмечает время своего прибытия на водоем, а также и убытия с него. При этом ему разрешается поймать только трех рыбин размером не менее 34 сантиметров, а весь остальной улов он обязан вернуть озеру или реке. Правда, это касается «серьезной» рыбы вроде карпов или судаков, тех же подлещиков или карасей можно ловить и больше.

Неудивительно, что все рыбаки в Венгрии берут с собой сантиметр и колотушку, которой они должны оглушить пойманную ими рыбу, дабы та не мучилась от удущья — такой вот гуманизм по-венгерски. И не приведи Господь, если ты не отметишь количество и вес пойманной рыбы, а местная «рыбоох-

Бессмертный полк с Владимиром Турицевым (в армейской форме)

рана» тебя поймают (а проверить могут и на озере, и при выезде с него, и даже при подъезде к твоему дому) — огромного штрафа тебе не избежать.

Однажды некий россиянин решил пренебречь этими правилами, когда поймал запрещенного к ловле «золотого» карпа, и в результате едва не сел на нары, с трудом уговорив проверяющих оштрафовать его на 500 евро. Благо поймали его на самом озере, пока он еще не успел загрузить улов в машину, иначе от двухлетней отсидки его ничего бы не уберегло.

ВРЕМЯ, КОТОРОЕ ЛЕЧИТ

— С россиянами вообще бывает масса проблем, — вздыхает Владимир. — Кто-то из них пытается обмануть миграционную службу, предъявляя фальшивые банковские документы о своей состоятельности, в связи с чем за русскими теперь установлен двойной контроль. Кто-то начинает жестоко торговаться на рынке, хотя у венгров это не принято, или горстями «пробует» их продукцию, ничего при этом не покупая.

А одна наша соотечественница и вовсе подвела меня под монастырь.

Три года назад я, как председатель местного общества русско-венгерской дружбы, был приглашен на торжественный прием в

здешнюю мэрию, и мне разрешили взять с собой еще шесть человек.

Один мой знакомый не смог пойти, и вместо него мы взяли даму со стороны. Вечер прошел замечательно, а на банкете столы ломились от яств. Чего только там не было: и оленина, и кабанятина, и прекрасное венгерское вино, так что все остались очень довольны.

Вот только после этого вечера меня почему-то перестали приглашать на подобные мероприятия. Я не мог взять в толк, почему, и только недавно узнал причину. Оказывается, после банкета та самая дама, которая заменила моего знакомого, украла бутылку вина и, разумеется, незамеченным этот факт не остался.

Я ее потом спросил:

— Зачем ты это сделала?

Отвечает:

— Хотела презент дочке послать.

— Но воровать-то зачем? Сказала бы об этом устроителям, они бы эту бутылку тебе за полцены помогли купить, а то и вовсе бы подарили...

Сейчас меня, правда, опять начали приглашать на различные праздники, но теперь уже персонально и официально.

— А как насчет российских праздников, в частности Дня Победы? — не могу удержаться я от вопроса.

— С этим нет никаких проблем. Ежегодно мы возлагаем цветы к памятнику советским воинам, и никаких эксцессов по этому поводу не возникает, не говоря уже о том, чтобы кто-то пытался его снести или осквернить. Раньше, кстати, это был безымянный обелиск, но мы его благоустроили, а также нашли в архивах имена тех, кто покоится в этой земле, и изготовили мраморные таблички.

— Но неужели венгры не помнят, что именно под Воронежем полегла их 2-я Королевская армия и, говорят, даже был приказ Сталина не брать мадьяр в плен из-за их жестокости?

— Да, но они же не дураки и понимают, что их войскам нечего было делать на нашей земле, поэтому в отличие от поляков, которые сносят памятники советским воинам, венгры весьма уважительно относятся и к монументам, и к захоронениям наших солдат. К тому же уже практически не осталось живых свидетелей тех событий, а нынешнее поколение уже и не помнит об ужасах Второй мировой войны.

Правда, был один случай, который напомнил мне о тех событиях. Как-то раз я улетал в Будапешт из Внукова, и моим соседом в зале ожидания оказался пожилой венгр, который работал в Туле на каком-то заводе и неплохо говорил по-русски.

Мы довольно дружелюбно беседовали, пока я не сказал, что родом из Воронежа. После этого он быстро встал и ушел, и больше я его не видел. Возможно, у него кто-то погиб из родных или ему были неприятны воспоминания о том периоде, но в целом венгры достаточно спокойно относятся к этой странице своего прошлого — время, как известно, лечит.

Но я на всякий случай теперь всем говорю, что родом из Москвы.

«ТИХАЯ ГАВАНЬ» ЕВРОПЫ

Возможно, потому, что венгры часто оказывались в войнах стороной проигравшей, они так дорожат своей мирной жизнью и своим суверенитетом, ради чего даже отказались принимать у себя мигрантов и наперекор Евросоюзу восстанавливают свое сельхозпроизводство.

Сегодня местные молоко, сыры, колбас-

а и другая сельхозпродукция, не говоря уже о хлебе, который выпекается в каждом продовольственном магазине, отличаются отменным качеством и разлетаются среди покупателей, как горячие пирожки.

Но по-другому в стране, лишенной полезных ископаемых, и нельзя: конкуренция везде высокая, и предприятия борются за каждого клиента. Венгры вообще народ работающий. И лишним доказательством этого является то, что все супермаркеты здесь начинают свою работу в шесть, максимум в семь утра. Другое дело, что работы в Венгрии мало, поэтому люди берутся за любую. Нередко санитарями здесь трудятся и даже убирают туалеты молодые здоровые парни спортивного вида, чего в России практически не увидишь. Потому что, когда страна вошла в ЕЭС, большинство промышленных предприятий, дававших работу гражданам, позакрывались. Прекратил существование даже знаменитый «Икарус», который поставлял автобусы в СССР. Осталось только сельское хозяйство.

Возможно, и его бы не было, поскольку прежние власти распорядились ликвидировать многие перерабатывающие заводы и вырубить виноградники, в том числе и для производства уникального токайского вина. Но нынешний руководитель страны Виктор Орбан наплевал на все договоренности и начал восстанавливать аграрный сектор, включая производство знаменитого венгерского лечо, чеснока и другую продукцию, что лишний раз подчеркивает разницу в интересах ЕС и самой Венгрии.

В результате, если еще несколько лет назад на прилавках венгерских магазинов были представлены в основном итальянские, испанские и французские вина, то теперь на них очень много хорошего венгерского вина.

Те же, кому работы в Венгрии все-таки не хватило или кому она не по душе, уезжают на заработки в Австрию, до которой рукой подать, или в Германию, благо немецкий язык у венгров — второй родной.

Но, если трудоспособные граждане Венгрии в поисках лучшей доли уезжают за пределы страны, то русские столь же охотно перебираются в эту тихую гавань Европы, свободную от экономических потрясений, для чего покупают здесь дома и квартиры.

Как, впрочем, и состоятельные немецкие пенсионеры, массово бегущие в спокойную Венгрию — подальше от растущих налогов и заполонивших Германию мигрантов.

Одно то, что вот уже на протяжении многих лет тарифы на жилищно-коммунальные услуги в стране не поднимаются, средняя пенсия составляет 150 тысяч форинтов (примерно 35 тысяч рублей), а налог на недвижимость платится только один раз при ее покупке, делает страну весьма привлекательной для людей «на заслуженном отдыхе».

Немаловажно и то, что венгры — весьма общительные и доброжелательные люди, которым все равно, какой ты национальности. Главное, чтобы ты соблюдал местные обычаи и законы.

И еще венгры очень уважительно относятся к своим родителям, пенсионерам и женщинам. Для последних у них даже припасено специальное обращение, которое в России давно вышло из моды — «целую ручки» — и которое дамам всех возрастов очень нравится.

И, конечно, всем по душе то, как здесь проходят праздники, в которых участвуют все — от мала до велика. А проходят они практически еженедельно, когда в субботу и воскресенье организуются всевозможные выставки, включая выставку шарманок со всей Европы, а также карнавалы с переодеванием и детей, и взрослых.

Другое дело, что общаться с венграми иностранцам, включая наших соотечественников, бывает непросто: английский язык здесь не очень распространен, а русский после известных событий 1956 года в стране был не в чести.

ХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ

Сейчас, правда, в связи с наплывом российских туристов, продавцы, официанты и служащие в отелях начали осваивать русский язык, а во многих кафе уже есть и меню на русском.

— Кроме того, — поясняет Турищев, — здесь очень большая российская диаспора. Только в районе Балатона проживает около полутора тысяч русских семей, и число их все время растет. Кто-то обитает здесь постоянно, кто-то приезжает на отпуск, на ка-

никулы или лечиться, тем более что помимо отличного здравоохранения в Венгрии имеются уникальные термальные озера.

Но не все русские приобретают недвижимость в Венгрии. Есть и такие, кто свой дом там продает. В свое время, а именно в период шальных нефтяных денег в России, они понастроили вилл с колоннами и бассейнами. А когда деньги поубавилось и содержать виллы стало накладно, наши граждане попробовали их продать, но дело это оказалось совсем непростым.

— Ну кто из венгров может себе позволить дом за 400 тысяч евро? — недоумевает Владимир. — Одна надежда на богатых немцев, но те тоже деньги считать умеют. Вот и сидят россияне на своем добре, не зная, что с ним делать.

Сам Турищев старается поддерживать в русскоязычной диаспоре традиции своей страны: проводит культурные мероприятия, ухаживает за захоронениями советских солдат, помогая родным отыскать их погибших родственников, и рассказывает о последних боях на Балатоне, где части «эсэс» сопротивлялись особенно упорно. И соотечественники слушают его очень внимательно, потому что у кого-то там погиб дед, отец или брат.

Принимает Владимир участие и в мероприятиях, проводимых венгерской стороной, став по сути настоящим проводником народной дипломатии.

А под Новый год он и вовсе наряжается Дедом Морозом, для чего жена сшила ему подходящий костюм. И теперь не только российские, но и венгерские ребятишки с нетерпением ждут новогодних праздников, к которым готовят стихи и песни, получая взамен приготовленные Дедом Морозом подарки.

— Была у меня у Снегурочка, да вот ушла, не захотела бесплатно работать, — сетует бывший пилот. — Но ничего, справляюсь пока и без нее. Сам я бросать это дело не собираюсь, потому что надо видеть глаза детей при их встрече со сказкой. Одна венгерская девочка так волновалась, рассказывая стихи, что чуть не упала в обморок, но, слава Богу, все обошлось.

Стараются отличиться на праздниках и другие дети, и уже ждут нашего Деда Мороза не меньше, чем своего Микулаша. А это, согласитесь, дорогого стоит!

4. ЗА ТРИ ТЫСЯЧИ ДОЛЛАРОВ...

То, что случилось с этим человеком, больше походит на сценарий голливудского блокбастера. Но иногда жизнь выкидывает такие коленца, в сравнении с которыми даже самый крутой боевик кажется детской сказкой.

БЕЗНАДЕГА

До своего переезда в Воронеж, а именно в лихие девяностые, Алексей Артамонов (имя и фамилия изменены. — В.М.) трудился водителем на Крайнем Севере. Работа у него была хоть и денежная, но пыльная, поскольку возил он управляющего банком, которому постоянно назначали «стрелки» какие-то темные личности, а банкиров в то время отстреливали, как зайцев. Причем вместе с охранниками и водителями. И каждый раз, выезжая утром на службу, Алексей не знал, вернется он вечером домой или нет.

Потом банк лопнул, его управляющий исчез в неизвестном направлении, и Артамонов остался без работы и без денег.

Несколько лет после этого, пока бандиты перекраивались в бизнесменов, а страна приходила в себя после экономической и политической вакханалии, профессиональный водитель Артамонов перебивался случайными заработками, поскольку куда бы он ни обращался, ему — где грубо, где вежливо — отвечали, что вакансий по его специальности нет и в ближайшем времени не предвидится.

И тогда его дальний родственник, проживавший во Владивостоке, порекомендовал ему отправиться на заработки в Японию.

— Только учти, — сказал он, — что работать тебе там, скорее всего, придется не по специальности, а три первых месяца ты по японским законам вообще не имеешь права трудиться. Это время иностранцу дается для адаптации в стране и для изучения ее языка и обычаев.

— Впрочем, — добавил родственник, — если повезет, может быть, кто-нибудь тебя и возьмет — японцы не всегда следуют этому правилу...

Ждать, пока в родной стране встанет из руин экономика и появится хорошо оплачи-

ваемая работа, можно было сколь угодно долго, а семью — жену и двоих детей — надо было кормить уже сейчас. И Алексей решил.

Взять билет до Страны Восходящего Солнца оказалось не слишком сложно, и уже пару месяцев спустя он ступил на священную землю самураев.

Как его и предупреждали, работы по специальности для россиянина в Японии не нашлось. Единственное, что ему смогли предложить, — это должность слесаря в автотранспортном предприятии, владельцем которого был обходительный пожилой пакистанец, которого звали Ризван (имя изменено. — В.М.).

Он без лишних вопросов зачислил Артамонова в штат предприятия, положив ему в месяц одну тысячу долларов.

— Только имей в виду, — предупредил Ризван, — что ты получишь всю сумму сразу и по истечении срока договора, а пока можешь рассчитывать на бесплатное жилье, еду и спецодежду.

— Ну, в конце, так в конце, — согласился Алексей, тем более что выбора у него все равно не было.

Работать на предприятии ему было не в тягость, поскольку он хорошо знал матчасть и довольно сносно — английский язык, на котором общалась подавляющая часть работников автофирмы. А еще Алексею очень нравилась вежливость и пунктуальность японцев, которые и работали, и отдыхали строго по часам.

Единственное, что смущало новоявленного гастарбайтера, это рассказы о его соотечественниках, негнушавшихся собирать, а затем продавать на российских «развалах» зонты, которые аккуратные японцы оставляли у входа в супермаркеты во время дождя.

Со временем дело приняло такой размах, что владельцы супермаркетов даже были вынуждены вывешивать объявления на русском языке с убедительной просьбой зонты не воровать.

Впрочем, все это были мелочи по сравнению с тем, что ухитрялись проделывать на островах ушлые российские «бизнесмены».

Поговаривали, что в один прекрасный день, а точнее в ночь, они сумели «разуть»

на каком-то автотранспортном предприятии более сотни большегрузов. И когда поутру его владельцы пришли на работу, их ожидал сюрприз в виде ста с лишним трейлеров, поставленных на кирпичи.

И напрасно японская полиция «шерстила» местных жуликов и слала запросы в российские правоохранительные органы — более тысячи отличных покрышек как в воду канули.

Разительным контрастом на этом фоне выглядела какая-то патологическая честность японцев, которую Алексей сумел быстро узнать и полюбить. Однажды он забыл на сиденье автомобиля, предоставленного ему в пользование хозяином фирмы, портмоне с деньгами. И хотя деньги лежали на самом виду, по возвращении к машине он обнаружил их в целости и сохранности на прежнем месте.

В другой раз Алексей специально выложил на приборную панель десять тысяч японских йен и демонстративно приоткрыл дверцу автомобиля, после чего принялся наблюдать за происходящим из-за укрытия.

Прошло больше часа, но никто из проходящих мимо японцев на его наличие так и не покусился. Мало того, один из них, заметив приоткрытую дверцу автомобиля, аккуратно захлопнул ее, даже не взглянув на содержимое салона.

Вот почему у Алексея даже не возникло мысли, что ему могут не заплатить за работу по истечении срока контракта. И совершенно напрасно, потому что у его работодателя было на этот счет собственное мнение.

Когда три месяца пребывания Алексея в Японии истекли и пришло время отправляться на родину, Ризван сам вызвался проводить его в аэропорт, где и пообещал выдать полный расчет.

И он расплатился.

Лишь только Алексей и его благодетель вышли на стоянке из автомобиля, Ризван сунул россиянину в руки билет на самолет и сто долларов одной купюрой.

— Все, больше у меня нет, — жестко сказал он, а уже садясь в машину, добавил: — И не смей возвращаться — хуже будет!

Алексей остолбенел. Три месяца работы и все коту под хвост? С чем он вернется в Россию и что скажет жене?

В полном отчаянии бродил он по аэропорту, не зная, что предпринять, и, наконец, решил позвонить тому самому родственнику во Владивосток.

— Никуда не улетай и будь все время на месте, — ответил тот, услышав рассказ Алексея о том, что с ним произошло. — Только ни к кому не обращай и ничего не предпринимай.

Алексей так и сделал. Он вернулся туда, где до этого жил, а наутро, презрев предупреждение родственника, решил все же еще раз поговорить с Ризваном.

«Ну не может человек так вот взять и не заплатить за выполненную работу», — думал он, направляясь к офису своего бывшего шефа.

Но он ошибался. Потому что, как только Ризван увидел его, то пришел в ярость:

— Вон отсюда! — заорал он, вскакивая со своего места и приказывая охранникам вышвырнуть Алексея на улицу.

Что те и сделали.

ЦЕНА ЖАДНОСТИ — ЖИЗНЬ

В полном смятении чувств, не зная, что предпринять, стоял Алексей у дверей офиса, когда туда подрулила BMW последней модели и из нее вышли два японца в безукоризненных черных костюмах и белых рубашках под галстук.

Один из них выглядел настоящим атлетом, под два метра ростом и косой сажени в плечах. Второй был поменьше, слегка сутулый, но такой же элегантен, как и первый. В руках он держал папку из крокодиловой кожи, и от обоих за версту несло дорогим парфюмом.

— Алексей? — подойдя ближе, поинтересовался у него широкоплечий. И, получив утвердительный ответ, рукой предложил россиянину следовать за ним в офис.

А дальше произошло то, чего Артамонов совсем уж не ожидал. Не успели они подойти к дверям, как на пороге появился Ризван, ни слова не говоря, бухнулся ему в ноги. Алексей отшатнулся, но Ризван, ухватив бывшего подчиненного рукой за лодыжку, принялся исступленно целовать его туфли. При этом второй рукой он вытаскивал из кармана деньги и протягивал их россиянину.

И тут наш соотечественник увидел то, о

чем он до сих пор не может вспоминать без содрогания — смуглая кожа Ризвана на глазах стала белеть, пока не стала прозрачной, как лист бумаги.

— Пошли, — приказал ему широкоплечий, и пакистанец, поднявшись с колен и трясясь, как осиновый лист, проследовал за японцами в свой кабинет.

— Сколько он тебе должен? — спросил «самурай» Артамонова, когда все уселись за стол Ризвана.

— Три тысячи долларов, — заикаясь, ответил тот.

— Возьми, сколько нужно, — сказал японец, и пока Алексей отсчитывал из кучи баксов то, что ему причиталось, напарник широкоплечего протянул пакистанцу лист бумаги из папки, который тот дрожащей рукой и подписал.

— Все о'кей? — поинтересовался широкоплечий у россиянина, когда тот, отсчитав причитающееся, спрятал деньги в карман.

— Да, — пролепетал Алексей, все еще не в силах поверить в случившееся.

— Тогда пошли, — сказал атлет и, выйдя на улицу, пожелал Алексею успешного возвращения на родину.

Со смешанным чувством страха и благоговения смотрел наш соплеменник на то, как японцы усаживаются в свой BMW и отъезжают по направлению к центру города. Он понимал, что за него вступились очень серьезные люди, и даже начинал догадываться, кто они.

— А чего тут догадываться, — развеял его сомнения другой россиянин, с которым Алексей часто сталкивался по работе и который в этот момент оказался неподалеку. — Это «Якудза», японская мафия, которая очень не любит, когда бросают тень на их государство. У них и наколки особые есть, по которым любой человек их легко опознает.

— А что это за бумаги, которые они давали Ризвану на подпись? — осторожно спросил Артамонов у своего товарища, ко-

торый работал в Японии не первый год и, судя по всему, был хорошо осведомлен о тамошних нравах.

— Не знаю, — ответил тот, — но, скорее всего, это документы о передаче нашего предприятия в собственность Якудзы — такие вещи здесь иногда случаются...

Алексей был в шоке. Он ожидал чего угодно, но только не того, что за него вступят японские мафиози. Но, как вскоре выяснилось, это было только начало.

Потому что не успел он отойти от потрясения, как к офису подрулил еще один престижный автомобиль, из которого вышли четверо дюжих парней азиатской наружности.

Ни слова не говоря, они быстро проследовали мимо двух россиян в офис, откуда спустя пять минут вышли с объемным мешком в руках.

В мгновение ока парни затолкали мешок в багажник и быстро скрылись из виду в направлении моря.

— Что это они? — ошалело посмотрел Алексей на своего собеседника.

— А ничего особенного, — ответил тот. — Сейчас приедут в безлюдное место и скормят нашего шефа рыбам: пакистанская мафия тоже не любит, когда какой-нибудь жадный урод кидает ее на такие «бабки»...

Сказать, что Алексей был потрясен — значит не сказать ничего: он был на грани нервного срыва. Конечно, он многое знал о бандитских разборках в своей стране, и сам много чего видел, когда работал с банкиром на севере, но чтобы такое в Японии, и сейчас? Ему и в страшном сне не могло привидеться, что можно вот так потерять жизнь из-за каких-то трех тысяч долларов.

Впрочем, времени на размышления у него оставалось немного. А потому, поблагодарив соплеменника за участие, он подхватил сумку со своими вещами и, не мешкая, отправился в аэропорт, где его уже ждал самолет на родину.

